

ТЕРЯЯ ЛЕЮ

*Эта книга посвящается всем, кто хоть раз
в жизни чувствовал, как их мир рушится.
Сила скрыта внутри, и я знаю, что каждый
из нас способен выстоять. Мы не позволим
себе смириться с оковами, что не дают
подняться. Мы сильнее всего, что способна
швырнуть нам под ноги игра жизни.
Мы не одиноки.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

МИЯ

«УЛЫБАЙСЯ. ДЕЛАЙ ВИД, что с тобой все в порядке».

Бух.

«Сосредоточься. Ты можешь».

Бух.

«Не думай об этом».

Бух.

«Ну что ты как маленькая. Ты ведь это уже проходила».

— Мия, тебе нехорошо? — голос знакомый, хотя доносится словно с дальнего конца очень длинного туннеля.

Открываю глаза — даже не поняла, что закрыла их. Натужно улыбаюсь. Роняю руку, предательски прижатаю к виску.

— Все хорошо. — Хотя до «хорошо» мне как до Луны.

Хорошо — это норма. Хорошо — это когда голова у тебя не раскалывается под невидимым топором. Рассуждая логически, это просто головная боль. У массы народу болит голова.

Бух.

«Чтоб тебя», — мысленно ругаю я свою голову. Она отзывается очередным приступом боли.

— Голова? — спрашивает об очевидном мой бойфренд, Люк.

— Да ерунда, — снова отнекиваюсь я.

Регулярные головные боли начались у меня в тот день, когда похитили мою сестру, Лею. Они возникали эпизодически. Вначале голова болела постоянно. Иногда было терпимо, и боль легко удавалось игнорировать, но порой не получалось.

Бух.

Эта оказалась настойчивой сволочью. Я знала, что это значит. Это мы уже проходили. Времени оставалось в обрез.

— Я уже знаю ответ, но хочешь, я зайду? — спросил Люк, притормаживая перед моим домом. Он наблюдал, как я массирую больные виски, выдавая жестокость приступа. Я никогда не рассказывала ему о причинах моих головных болей, о том, что их вызывало. Насколько он знал, они приключались, потому что я слишком усердно училась.

— Не, все нормально. Съем ибупрофен и буду как новенькая, — вру я, не обращая внимания на раскаленные угли в глазницах.

До момента, когда боль поглотит меня целиком, остается совсем немного времени. В основном я чувствую приближение особенно тяжелых приступов заранее и успеваю подготовиться, но сегодня боль подкралась незаметно.

— Спасибо за ужин, — говорю я, наскоро целуя Люка куда-то рядом с губами, и выскакиваю из машины.

Он неохотно дает мне ускользнуть. Завтра, когда я буду чувствовать себя лучше, скажу ему, что это была мигрень. Этот диагноз врач поставил много лет назад. У меня даже лекарство есть. Ему незачем знать, что таблетки не помогают. Никогда не помогали.

Бух.

«Будь проклят тот, кто придумал боль».

Она стремительно нарастает, подкусывая меня со всех сторон. Надо как можно скорее попасть в дом.

— Я тебе сегодня не дамся, — бормочу я, шаря в сумке в поисках ключей. Надо было сэкономить время и достать их еще в машине. Затупила. Проблема в том, что из-за пропажи Леи родители помешались на безопасности.

Датчики на всех дверях и окнах.

Передние и задние двери оборудованы таким количеством замков, что Форт Нокс позавидует.

Жалкая попытка отогнать чудовищ, но в результате огромное неудобство.

После нескольких неудачных попыток и отборных ругательств мне наконец удалось подобрать нужные ключи к нужным замкам, и я толкнула дверь. Внутри было тихо и пусто, что неудивительно. Мама с папой регулярно работали допоздна, а Джейкоб тоже явно не дома. Хвала богам. Я обожаю брата, но он сушная насадка. Узнай, насколько сильно у меня болит голова, он взял бы дело в свои руки, может, даже взвалил меня на плечо и лично доставил к врачу. Сегодня его отсутствие как нельзя кстати. Этот приступ явно будет что-то с чем-то.

Перед глазами все расплывалось, отчего ввести свой личный код на клавиатуре возле двери оказалось сложнее, чем следовало бы. К счастью, усиленно моргая, я справилась вовремя — сработай сирена, моя пульсирующая голова просто взорвалась бы. Маячившая впереди лестница, ведущая к моей комнате, давила высотой, словно гора. Я прислонилась к стене и двинулась вперед, щелкая по пути всеми выключателями. До смерти боюсь темноты. Она давит и размазывает, словно таинственная сила стискивает тебя в кулаке. Обычно я сплю при полном свете, включая ночник, который раньше принадлежал Лее. Хотя,

когда глаза закрыты, толку от этого немного. От темноты никуда не деться.

Бух.

Крохотные, бритвенно-острые щупальца зарываются в мой мозг.

Сердце стиснул страх.

Я начала сомневаться, что доберусь до постели прежде, чем тени поглотят меня. Ноги словно залиты цементом — они такие тяжелые. Каждый шаг подобен сотне шагов.

Бух.

Однако с помощью перил мне удалось дотащить себя до верхней площадки, и моя нога нащупала последнюю ступеньку. Привалившись к стене, я глубоко вздохнула, чтобы собраться с силами, упорно моргая, дабы сохранить картинку. Моя комната находится в конце коридора, но казалось, будто до нее три футбольных поля. Надо в постель. Все можно пережить — только бы добраться туда.

Шаркаю по коридору, как зомби.

— Почти на месте, — приговариваю я, мысленно считая шаги.

Еще десяток, и доберусь до двери. Потом еще пять, и до кровати уже рукой подать. Нельзя позволять себе вспоминать о неудачных попытках. Лучше сосредоточиться на движении вперед.

Четыре шага до комнаты. Не будь стены, я бы уже рухнула. Тени начинают сливаться. Время по-

что вышло. Мне не дойти. В горло когтями впи-
вается паника.

Два шага. Так близко, но голова, словно виног-
радина в тисках.

Один шаг. Я уже не вижу. Вслепую протягиваю
руку, и пальцы смыкаются на дверной ручке. Под
весом моего тела дверь распахивается, я падаю
в комнату и оседаю кучей на полу. Даже будь у меня
силы доползти до кровати, сомневаюсь, что мне уда-
лось бы забраться на нее. Перекатываюсь на спину,
закрываю глаза и позволяю тьме поглотить меня.
«Ты победила», — моя последняя осознанная мысль.

— Земля — Мие. Есть кто дома? — спросила на
следующий день Эмбер, моя лучшая в мире подруга,
побарабанив пальцами по моему шкафчику, дабы
привлечь мое внимание. Я была слишком занята по-
исками учебника по испанскому и ответила не сразу.

— Прости, что ты сказала? — переспросила я,
вытаскивая книгу из-под залежей разнообразного
хлама.

— Я сказала: как ты написала контрольную?

— Неплохо, — наконец ответила я, захлопнув
дверь шкафчика прежде, чем оттуда высыпались
остальные учебники. — Думаю, прошла.

— Ой, ради бога. Ты же знаешь, что написа-
ла лучше всех. С каких это пор ты не портишь

остальным кривую успеваемости? Клянусь, будь у меня машина времени, я бы отправилась назад и отлупила того чувака, который додумался смешать буквы и цифры и назвать это математикой. Это явно был какой-то мировой садистский заговор с целью отделить умников от идиотов, — засмеялась Эмбер, вскидывая на плечо сумку с учебниками. — Когда-нибудь ты будешь работать в лаборатории, разгадывая тайны Вселенной, а я буду спрашивать людей, бумажный они хотят пакет или полиэтиленовый. Если только не заарканю какого-нибудь богатого придурка, конечно.

Я рассмеялась и ткнула ее локтем в плечо.

— Как будто ты с самого начала не собиралась заарканить богатого придурка. Кроме того, ты станешь звездой Голливуда, блистающей на всех крутых вечеринках. Все будут мечтать подружиться с тобой, и ты позабудешь о заучке, с которой тусовалась в началке.

Эмбер взяла меня под руку.

— Я бы на это не рассчитывала. Лучшие друзья навек, верно? В любом случае тебе известны все мои тайны. Мне от тебя в жизни не отделаться, — она хихикнула.

— Лучшие друзья навек, — подтвердила я с улыбкой, обходя сомнительное мокрое пятно на гладком линолеуме по пути к ее шкафчику.